

ИЛЛЮСТРАЦИИ

АНАСТАСИИ РАННЕВОЙ

Э. Т. А. Гофман

ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

Перевод с немецкого
Александра Соколовского

Санкт-Петербург
Издательство «КАЧЕЛИ»
2020

Сочельник

Шелый день двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума было запрещено входить в гостиную, а также в соседнюю с нею комнату. С наступлением сумерек дети, Мари и Фриц, сидели в тёмном уголке детской и, по правде сказать, немного боялись окружавшей их темноты, так как в этот день в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц под величайшим секретом рассказал своей маленькой семилетней сестре, что уже с самого утра слышал он в закрытых комнатах беготню, шум и тихие разговоры. Он видел также, как с наступлением сумерек туда потихоньку прокрался маленький закутанный человек с ящиком в руках, но что он, впрочем, наверное знает, что это был их крёстный Дроссельмейер. Услышав это, маленькая Мари радостно захлопала ручонками и воскликнула:

— Ах, я думаю, что крёстный подарит нам что-нибудь очень интересное.

Друг дома советник Дроссельмейер был очень некрасив собой; это был маленький, сухощавый старичок, с множеством морщин на лице; вместо правого глаза был у него наклеплен большой чёрный пластырь; волос у крёстного не было, и он носил маленький белый парик, удивительно хорошо сделанный. Но, несмотря на это, все очень любили крёстного за то, что он был великий искусник и не только умел чинить часы, но даже сам их делал. Когда какие-нибудь из прекрасных часов в доме Штальбаума ломались и не хотели идти, крёстный приходил, снимал свой парик и жёлтый сюртук, надевал синий передник и начинал копать в часах

какими-то острыми палочками, так что маленькой Мари даже становилось их жалко. Но крёстный знал, что вреда он часам не причинит, а наоборот, — и часы через некоторое время оживали и начинали опять весело ходить, бить и постукивать, так что все окружающие, глядя на них, только радовались.

Крёстный каждый раз, когда приходил в гости, непременно приносил в кармане какой-нибудь подарок детям: то куколку, которая кланялась и мигала глазками, то коробочку, из которой выскакивала птичка, словом, что-нибудь в этом роде. Но к Рождеству приготавливал он всегда какую-нибудь большую, особенно затейливую игрушку, над которой очень долго трудился, так что родители, показав её детям, потом всегда бережно прятали её в шкаф.

— Ах, как бы узнать, что смастерит нам на этот раз крёстный? — повторила маленькая Мари.

Фриц уверял, что крёстный, наверно, подарит в этот раз большую крепость с прекрасными солдатами, которые будут маршировать, обучаться, а потом придут неприятельские солдаты и захотят её взять, но солдаты в крепости станут храбро защищаться и начнут громко стрелять из пушек.

— Нет, нет, — сказала Маша, — крёстный обещал мне сделать большой сад с прудом, на котором будут плавать белые лебеди с золотыми ленточками на шейках и петь песенки, а потом придёт к пруду маленькая девочка и станет кормить лебедей конфетами.

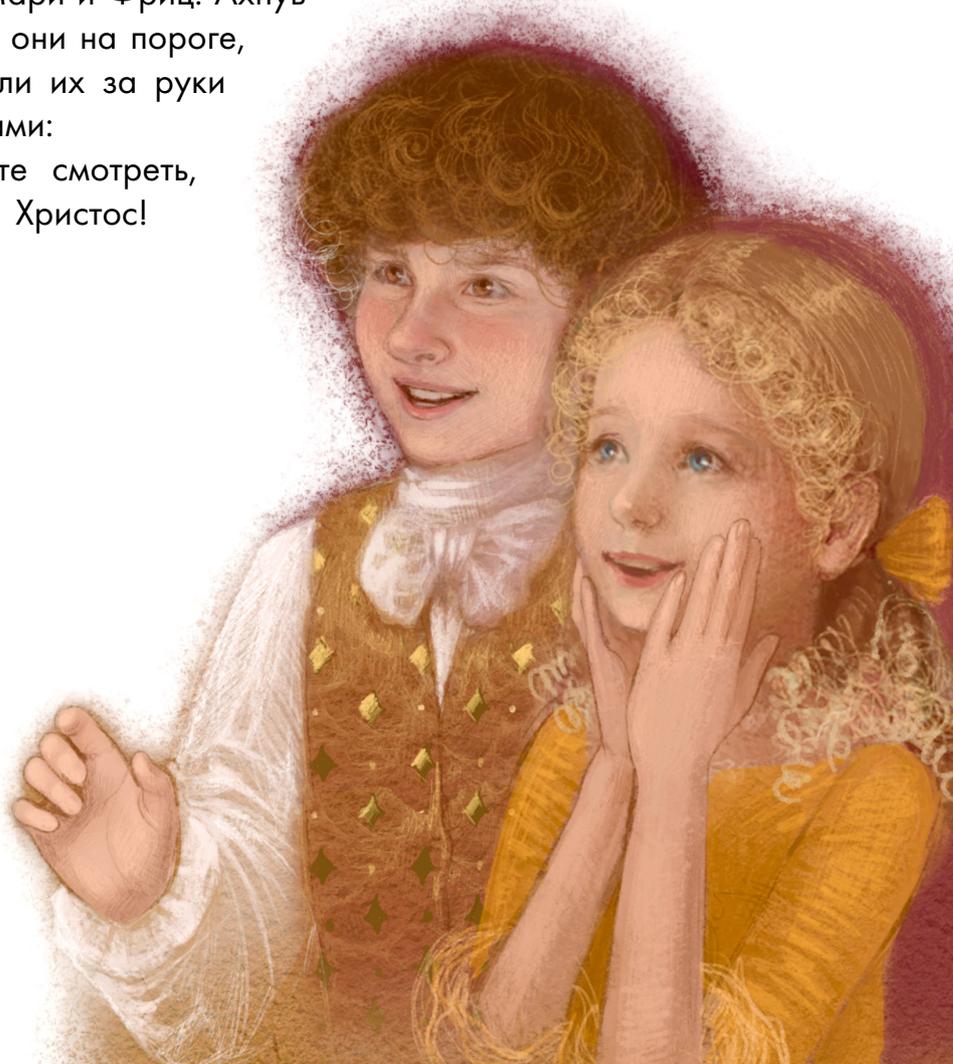
— Лебеди конфет не едят, — перебил Фриц, — да и как может крёстный сделать целый сад? Да и какой толк нам от его игрушек, если у нас их сейчас же отбирают; то ли дело игрушки, которые дарят папа и мама! Они остаются у нас, и мы можем делать с ними, что хотим.

Тут дети начали рассуждать и придумывать, что бы могли подарить им сегодня. Мари говорила, что любимая её кукла, мамзель Трудхен, стала с некоторого времени совсем неуклюжей, беспрестанно валится на пол, так что у неё теперь всё лицо в противных отметинах, а о чистоте её платья нечего было и говорить; как ни выговаривала ей Мари, ничего не помогало. Зато Мари весело припомнила, что мама очень лукаво улыбнулась, когда Мари понравился маленький зонтик у её подруги Гретхен. Фриц жаловался, что в конюшне его недостаёт хорошей гнедой лошади, да и вообще у него мало осталось кавалерии, что папе было очень хорошо известно.

Дети отлично понимали, что родители в это время расставляли купленные для них игрушки; знали и то, что сам младенец Христос весело смотрел в эту минуту с облаков на их ёлку и что нет праздника, который бы приносил детям столько радости, сколько Рождество. Тут вошла в комнату их старшая сестра Луиза и напомнила детям, которые всё ещё шушукались об ожидаемых подарках, что руку родителей, когда они что-нибудь им дарят, направляет сам Христос и что Он лучше знает, что может доставить им истинную радость и удовольствие, а потому умным детям не следует громко высказывать свои желания, а, напротив, терпеливо дожидаться приготовленных подарков. Маленькая Мари призадумалась над словами сестры, а Фриц не мог всё-таки удержаться, чтобы не пробормотать: «А гнедого рысака да гусаров очень бы мне хотелось получить!»

Между тем совершенно стемнело. Мари и Фриц сидели, прижавшись друг к другу, и боялись вымолвить слово, им казалось, что будто над ними веют тихие крылья и издали доносится прекрасная музыка. По стене скользнула яркая полоса света; дети знали, что это младенец Христос отлетел на светлых облаках к другим счастливым детям. Вдруг зазвенел серебряный колокольчик: «Динь-динь-динь-динь!» Двери шумно распахнулись, и широкий поток света ворвался из гостиной в комнату, где были Мари и Фриц. Ахнув от восторга, остановились они на пороге, но тут родители подхватили их за руки и повели вперёд со словами:

— Ну, детки, пойдёмте смотреть, чем одарил вас младенец Христос!

Подарки

Обращаюсь к тебе, мой маленький читатель или слушатель, — Фриц, Теодор, Эрнст, всё равно, как бы тебя ни звали, — и прошу припомнить, с каким удовольствием останавливался ты перед рождественским столом, заваленным прекрасными подарками, — и тогда ты хорошо поймёшь радость Мари и Фрица, когда они увидели подарки и ярко сиявшую ёлку! Мари только воскликнула:

— Ах, как хорошо! Как чудно!

А Фриц начал прыгать и скакать, как козлёнок. Должно быть, дети очень хорошо себя вели весь этот год, потому что ещё ни разу не было им подарено так много прекрасных игрушек.

Золотые и серебряные яблочки, конфеты, обсахаренный миндаль и великое множество разных лакомств унизывали ветви стоявшей посередине ёлки. Но всего лучше и красивее горели между ветвями маленькие свечи, точно разноцветные звёздочки, и казалось, приглашали детей скорее полакомиться висевшими на ней цветами и плодами. А какие прекрасные подарки были разложены под ёлкой — трудно и описать! Для Мари были приготовлены нарядные куколки, ящички с полным кукольным хозяйством, но больше всего её обрадовало шёлковое платье с бантами из разноцветных лент, висевшее на одной из ветвей, так что Мари могла любоваться им со всех сторон.

— Ах, моё милое платье! — в восторге воскликнула Маша. — Ведь оно точно моё? Ведь я его надену?

Фриц между тем уже успел трижды обскákat вокруг ёлки на своей новой лошади, которую он нашёл привязанной к столу за поводья. Слезая,

он потрепал её по холке и сказал, что конь — лютой зверь, ну да ничего: уж он его вышколит! Потом он занялся эскадроном новых гусар в ярко-красных с золотом мундирах, которые размахивали серебряными сабелями и сидели на таких чудесных белоснежных конях, что можно было подумать, что и кони были сделаны из чистого серебра.

Успокоившись немного, дети хотели взяться за рассматривание книжек с картинками, которые лежали тут же и где были нарисованы ярко раскрашенные люди и прекрасные цветы, а также милые играющие детки, так натурально изображённые, что казалось, они были живые и в самом деле играли и бегали. Но едва дети принялись за картинки, как вдруг опять зазвенел колокольчик. Они знали, что это, значит, пришёл черёд подаркам крёстного Дроссельмейера, и они с любопытством подбежали к стоявшему возле стены столу. Ширмы, закрывавшие стол, раздвинулись, — и что же увидели дети! На свежем, зелёном, усеянном множеством цветов лугу стоял маленький замок с зеркальными окнами и золотыми башенками. Вдруг послышалась музыка, двери и окна замка отворились, и через них можно было увидеть, как множество маленьких кавалеров с перьями на шляпах и дам в платьях со шлейфами гуляли по залам. В центральном зале, ярко освещённом множеством маленьких свечек в серебряных канделябрах, танцевали дети в коротких камзолчиках и платьицах. Какой-то маленький господин, очень похожий на крёстного Дроссельмейера, в зелёном плаще изумрудного оттенка, беспрестанно выглядывал из окна замка и опять исчезал, выходил из дверей и снова прятался. Только ростом этот крёстный был не больше папиного мизинца. Фриц, облокотясь на стол руками, долго рассматривал чудесный замок с танцующими фигурками, а потом сказал:

— Крёстный, крёстный! Позволь мне войти в этот замок!

Крёстный объяснил ему, что этого никак нельзя, и он был прав, потому что глупенький Фриц не подумал, как же можно было ему войти в замок, который со всеми его золотыми башенками был гораздо ниже его ростом. Фриц это понял и замолчал.

Посмотрев ещё некоторое время, как куколки гуляли и танцевали в замке, как зелёный человечек всё выглядывал в окошко и высовывался из дверей, Фриц сказал с нетерпением:

— Крёстный, сделай, чтобы этот зелёный человечек выглянул из других дверей!

— Этого тоже нельзя, мой милый Фриц, — возразил крёстный.

— Ну так вели ему, — продолжал Фриц, — гулять и танцевать с прочими, а не высовываться.

— И этого нельзя, — был ответ.

— Ну так пусть дети, которые танцуют, сойдут вниз; я хочу их рассмотреть поближе.

— Ничего этого нельзя, — ответил немного обиженный крёстный, — в механизме всё сделано раз и навсегда.

— Во-о-от как, — протяжно сказал Фриц. — Ну, если твои фигурки в замке умеют делать только одно и то же, так мне их не надо! Мои гусары лучше! Они умеют ездить вперёд и назад, как я захочу, а не заперты в доме.

С этими словами Фриц в два прыжка очутился возле своего столика с подарками и мигом заставил свой эскадрон на серебряных лошадях скакать, стрелять, маршировать, словом, делать всё, что только приходило ему в голову. Мари также потихоньку отошла от подарка крёстного, потому что и ей, по правде сказать, немного наскучило смотреть, как куколки выделявали всё одно и то же; она только не хотела показать этого так явно, как Фриц, чтобы не огорчить крёстного. Советник, видя это, не мог удержаться, чтобы не сказать родителям недовольным тоном:

— Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок!

Но мать остановила крёстного и просила показать ей искусный механизм, с помощью которого двигались куколки. Советник разобрал игрушку, с удовольствием всё показал и собрал снова, после чего он опять повеселел и подарил детям ещё несколько человечков с золотыми головками, ручками и ножками из вкусного, душистого пряничного теста. Фриц и Мари очень были им рады. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела новое подаренное ей платье и стала в нём такой нарядной и хорошенькой, что и Мари, глядя на неё, захотелось непременно надеть своё, в котором, ей казалось, она будет ещё лучше. Ей это охотно позволили.

Любимец

Мари никак не могла расстаться со своим столиком, находя на нём всё время новые вещицы. А когда Фриц взял своих гусаров и стал делать под ёлкой парад, Маша увидела, что за гусарами скромно стоял маленький человечек-куколка, точно дожидаясь, когда очередь дойдёт до него. Правда, он был не очень складный: невысокого роста, с большим животом, маленькими тонкими ножками и огромной головой. Но человечек был очень мило и со вкусом одет, что доказывало, что он был умный и благовоспитанный молодой человек. На нём была лиловая гусарская курточка с множеством пуговиц и шнурков, такие же рейтузы и высокие лакированные сапоги, точь-в-точь такие, как носят студенты и офицеры. Они так ловко сидели на его ногах, что, казалось, были выточены вместе с ними. Только вот немножко нелепо выглядел при таком костюме прицепленный к спине деревянный плащ и надетая на голову шапчонка рудокопа. Но Мари знала, что крёстный Дроссельмейер носил такой же плащ и такую же смешную шапочку, что вовсе не мешало ему быть милым и добрым крёстным. Мари отметила про себя также то, что во всей прочей своей одежде крёстный никогда не бывал одет так чисто и опрятно, как этот деревянный человечек. Рассмотрев его поближе, Мари сейчас же увидела, какое добродушие светилось на его лице, и не могла не полюбить его с первого взгляда. В его светлых зелёных глазах сияли приветливость и дружелюбие. Подбородок человечка окаймляла белая завитая борода из бумажной штопки, что делало ещё милее улыбку его больших красных губ.

— Ах, — воскликнула Мари, — кому, милый папа, подарили вы этого хорошенького человечка, что стоит там за ёлкой?

— Это вам всем, милые дети, — отвечал папа, — и тебе, и Луизе, и Фрицу; он будет для всех вас щёлкать орехи.

С этими словами папа взял человечка со стола, приподнял его деревянный плащ, и дети вдруг увидели, что человечек широко разинул рот, показав два ряда острых белых зубов. Мари положила ему в рот орех; человечек вдруг сделал — щёлк! — и скорлупки упали на пол, а в руку Маши скатилось белое вкусное ядрышко. Папа объяснил детям, что куколка эта зовётся Щелкунчик. Мари была в восторге.

— Ну, Мари, — сказал папа, — так как Щелкунчик очень тебе понравился, то я дарю его тебе; береги его и защищай; хотя, впрочем, в его обязанность входит щёлкать орехи и для Фрица с Луизой.

Мари тотчас же взяла Щелкунчика на руки и заставила его щёлкать орехи, выбирая самые маленькие, чтобы у Щелкунчика не испортились зубы.

Луиза подсела к ней, и добрый Щелкунчик стал щёлкать орехи для них обеих, что, кажется, ему самому доставляло большое удовольствие, если судить по улыбке, не сходявшей с его губ.

Между тем Фриц, порядочно устав от верховой езды и обучения своих гусар, а также услышав, как весело щёлкались орехи, подбежал к сёстрам и от всей души расхохотался, увидев маленькую уродливую фигуру Щелкунчика, который переходил из рук в руки и успевал щёлкать орехи решительно для всех.

Фриц стал выбирать самые большие орехи и так неосторожно заталкивал их Щелкунчику в рот, что вдруг раздалось — крак-крак! — и три белых зуба Щелкунчика упали на пол, да и челюсть, сломавшись, свесилась на одну сторону.

— Ах, мой бедный Щелкунчик! — заплакала Мари, отобрав его у Фрица.

— Э, да какой он глупый! — закричал Фриц. — Хочет щёлкать орехи, а у самого нет крепких зубов! На что же он годен? Давай его мне, я заставлю его щёлкать, пока у него не выпадут последние зубы и не отвалится совсем подбородок!

— Нет, нет, оставь, — со слезами сказала Мари, — я тебе не дам моего милого Щелкунчика, посмотри, как он на меня жалобно смотрит и показывает свой больной ротик! Ты злой мальчик: ты бьёшь своих лошадей и стреляешь в своих солдат.

— Потому что так надо, — возразил Фриц, — и ты в этом ничего не смыслишь; а Щелкунчика всё-таки дай мне; его подарили нам обоим!

Тут Мари уже совсем горько расплакалась и поскорее завернула Щелкунчика в свой платок. В это время подошли их родители с крёстным. Крёстный, к величайшему горю Мари, вступился за Фрица, но папа сказал:

— Я поручил Щелкунчика беречь Мари, а так как он теперь болен и больше всего нуждается в её заботах, то никто не имеет права его отнимать. А ты, Фриц, разве не знаешь, что раненых солдат никогда не оставляют в строю? Ты, как хороший военный, должен это понимать!

Фриц очень сконфузился и потихоньку, позабыв и Щелкунчика, и орехи, отошёл на другой конец комнаты, где и занялся устройством ночлега для своих гусар, закончивших на сегодня службу. Мари между тем собрала выпавшие у Щелкунчика зубы, подвязала его подбородок чистым белым платком, вынутым из своего кармана, и ещё осторожнее, чем прежде, завернула бледного перепуганного человечка в тёплое одеяло. Взяв его затем на руки, как маленького больного ребёнка, она занялась рассмотрением картинок в новой книге, лежавшей тут же, между прочими подарками. Мари очень не понравилось, когда крёстный стал смеяться над

тем, что она так нянчится со своим уродцем. Вспомнив, что при первом взгляде на Щелкунчика ей показалось, что он очень похож на самого крёстного Дроссельмейера, Мари не могла удержаться, чтобы не ответить ему на его насмешки:

— Как знать, крёстный, был бы ты таким красивым, как Щелкунчик, если бы тебя пришлось даже одеть точно так, как его, в чистое платье и щегольские сапожки.

Родители громко засмеялись, а крёстный, напротив, замолчал. Мари никак не могла понять, отчего у крёстного вдруг так покраснел нос, но уж, верно, была какая-нибудь на то своя причина.

